

АНАТОМИЯ ЖИЗНИ

Место под солнцем

У Дашковой — переезд. Пустая квартира — словно только что купленный компьютер. Потом в него вливаются файлы-воспоминания. Ну а пока легко заплутать, как на страницах бесконечного романа...

— А где же кошка? — оглядываюсь по сторонам. — Ее же первой надо через порог пустить.

— У нас собака. Ирландский сеттер Вася, ревнивый. Не думаю, что он потерпит рядом с собой еще и кошку. Вася к нам попал почти взрослым псом, в год. Подошла на улице пенсионерка и попросила: "Возьми-те, мне его кормить нечем!" Теперь в связи с переездом у Васи истерика — боится, наверное, что опять бросят. Но он себе уже облюбил место под моим столом...

Здесь мебель под старину — любимый стиль Дашковой. Изящный секретер с потайными ящичками, а в противовес — монументальный стол с ноутбуком. Как выяснилось, обстановка куплена недавно. И ее история тоже только начинается.

— Люблю красивые вещи, но отчаю себя к ним привыкать, — перехватывает взгляд Дашкова. — У меня была слабость — ручки. Но они сразу терялись. И зажималки тоже. Лет десять назад, когда появились настоящие Zippo, купила "Варгу Герл" — девушку с распущенными волосами, редкую штучку. Я ее в своем последнем романе описала. И представляете — осталась в Нью-Йорке, на столе в китайском ресторане. Когда вернулась, ее уже не было.

— Наверное, тяжело было срываться с насиженного места? Все вокруг чужое, такой стресс...

— А мы ничего не поменяли. Район остался тот же. Мне все здесь знакомо с детства. И девочки пойдут осенью в ту же школу.

Вид из окна — старомосковский, с тихими двориками, с голубями на асфальте. Отличное пристанище для модного автора.

— Вот уж не считайте себя модной. Меня и в проплаченных-то рейтингах нет. Пусть ярлыки навешивают критики. Я же пишу о том, что мне интересно. Так мозги устроены, что хочу докопаться до сути. Если что-то случается, то почему? Что было раньше и что будет позже? Я — книжный червь.

— Немецкий журнал "Штерн" недавно опубликовал вас в тройке самых читаемых европейских писателей. Неужели так велик интерес к России и к русской литературе?

— Про других не знаю. Им интересны мои книги.

Питомник

— Меня всегда тянуло в Германию. С детства, после того как прочитала Набокова. У меня ощущение, что я была там вместе с ним в его берлинский период. Мне близка немецкая культура, язык.

— Его же называют грубым...

— Что вы, любой язык звучит очень красиво, если говорит человек образованный. Недавно ехала в поезде в компании немецких скинхедов. Это ужасно — такой лай стоял! Но и по-русски было бы не лучше. Дело не в фонетике — дело в смысле.

Германия для Полины Дашковой — что первая любовь. Первый раз она попала туда в 16 лет. Отца, ответственного работника Академии наук, послали в командировку.

— Я словно в сказке побывала. После Бреста в польском вагоне-ресторане разложили чудесный шоколад в ярких обертках. Я попросила папу купить мне самую красивую коробочку. Думала, там конфеты, а оказалось — трубочки для коктейля. Сейчас немцы утверждают, что у них не было никакой свободы, такой же кошмар, как здесь. На самом деле — колоссальная разница. И в общении тоже.

— Свобода определяется красотой коробочки из-под конфет?

— Красиво, эстетично — значит правильно. У нас во многих вещах осталось совковое восприятие, какое-то паскудное. Нигде в мире такого нет, чтобы вместо нормальных туалетов в школе — открытые унитазы. В Москве же — повсеместно. Это уродливо, многие дети стесняются справлять нужду публично. В XIX веке Россия была одной из самых чистоплотных стран Европы, в деревнях каждую неделю жители в баню ходили!

— Зато теперь летом вас Москва сидит на профилактике без горячей воды...

— И в светской жизни — такая же грязь. Мы с мужем на днях побывали на паре тусовок и решили, что по крайней мере в ближайшей полгоде туда — ни ногой. Тебя рассматривают, тебя оценивают, да еще так открыто и нагло, что становится тошно. Одна из основ добропорядочного общества — не напрягать партнера. Иначе — не комильфо. Здесь — не комильфо.

— Вы никак леди?..

— Досталось в наследство от прабабушки. У нее было суровое воспитание. "Будешь знать всего два языка — выше горничной не поднимешься", — предупреждала она меня. Прабабушка Елена Михайловна — выпускница Бестужевских курсов, Сорбонны — всю жизнь прожила с собранным узелком в углу, чтобы не метаться, если придет "ворон". В России никого из близких у нее не осталось — родные эмигрировали, муж погиб. Я спрашиваю ее, почему она не уехала за границу. Я обижалась: "Если бы ты уехала, я бы сейчас гуляла по Парижу!". На что прабабушка ответила потрясающе мудро: "Я люблю Родину". Вот и моя дочь Аня, которую никто не учил патриотизму, — такая же. Недавно заявила, что хочет стать мэром Санкт-Петербурга. Дескать, за красивую и чистую Москву у нее душа не болит, а Питер — жалко.

Чувство реальности

— Понятно, откуда у вас такая любовь к отеческим гобоям — от бабушкиных сказок...

В той, первой жизни у нее все было по-другому. Даже имя.

Оно и теперь как пароль. Поэтому дочери, подзывая маму к телефону, точно знают, кто ей звонит.

— Позовите Татьяну, — просят обычно старые друзья.

— Будьте добры Полину, — а это уже новые знакомые.

Раздвоение личности разграничено четко. Есть жизнь личная, а есть публичная. Но иногда они пересекаются.

— В магазине невозможно выбрать ниже или стиральный порошок — сразу подходят за автографом, — смеется писательница Полина Дашкова.

Она не жалеет, что так круто все поменяла.

Из журналисткой — в романистку.

— Я призналась мужу, что люблю убийцу!..

Полина Дашкова:

"Я призналась мужу, что люблю убийцу!.."

мужу, что люблю убийцу!..

С дочками Аней и Дашей.

Хотя мы были знакомы всего несколько дней. Примерно так все и произошло 21 год назад. К чести Алексея, больше он ничего и никогда не крал.

— В юности все кажется по-другому...

— Та легкость в общении уже никогда не вернется. Старые друзья остались, а новые — не появляются. Ужасно жаль. У меня большой круг знакомств, умные, начитанные люди, но чтобы болтать с ними до утра — такого нет.

— Так кто виноват, что легкость ушла?

— В моей памяти сохранилось несколько периодов, когда резко менялся стиль поведения людей. Были домашние праздники, когда от народа в общем коридоре не протолкнуться. И ты, карапуз, чувствуешь себя частью всемирного веселья. Потом пришли камерные посиделки в сигаретном дыму. Как мои родители только не уставали каждые выходные накрывать на праздничный стол? Для меня это было бы каторгой.

— Вы не домашний человек?

— Я дома работаю. А для устройства быта есть домработница. Хотя нет, скорее я называю ее помощницей по хозяйству. К счастью, у меня имеется еще и муж, который избавлен от традиционных мужских комплексов. Ему не зазорно помыть посуду или подмести пол.

— Насколько мне известно, именно муж подвинул вас к написанию первого романа.

— Он не дал мне его забросить. Я ведь где только не писала — в кухне на тумбочке, на краешке ванны... А дочки маленькие, требуют мамино внимание. Настал такой момент, когда я заснула рукописи на антресоли: "Все, хватит, устала!" Алексей помог мне пережить это, за что я ему очень благодарна.

— Теперь, когда вы такая известная, приступы хандры миновали? Можно диктовать условия издателям — когда, мол, хочу, тогда рукопись и сдаю...

— Так не бывает, чтобы не хотелось писать. Я же в ответе за тех, кого придумала. Я читала маме отрывок из "Образ врага", когда Алиса с сыном попали в Израиле в арабский квартал и там их чуть не убили. "Поскорее уведи людей в безопасное место и сама туда никогда не езди", — распереживалась мама. Раньше я писала быстрее. "Никто не заплачет" вообще закончила за сто дней, на отдыхе в Болгарии, мне никто не мешал. Над последними двумя романами работала по году — из-за ремонта.

— А дочери как воспринимают, что мама круглые сутки — в обнимку с компьютером?

— Это часть их биографии. Но иногда в интересе окружающих ко мне они видят агрессию. Как-то с младшей Дашей пришла на выставку. Кругом — фотоспешки, журналисты, телекамеры. Прохода нет. Я нос почесала, а уже снимают. Смотрю, Дарья плачет. Ей меня жалко стало...

Легкие шаги безумия

Тираж первого романа Дашковой "Кровь нерожденных" разошелся за неделю. Совсем не похоже на традиционный детектив — никаких загадок и убийц в массах.

— Это была история абсолютного зла, причем реальная. Однажды, когда я сидела дома с маленькой Дашей, раздался телефонный звонок. Женщина просила о помощи. Очень дальняя знакомая моей бабушки, беременная. Я в больнице. Мне сказали, что мой ребенок умер и будут искусственные роды. Но я чувствую, что он шевелится!.. — рыдала она в трубку. Выяснилось, что врачи сделали УЗИ и сообщили о смерти плода на основе лишь одного исследования! Я посоветовала бежать из этой клиники и повторить УЗИ хоть в метро... В положенный срок она родила здоровую девочку. Меня эта ситуация долго преследовала: я не понимала, кому понадобилось называть живого малыша мертвым. "Ты что, совсем дурочка?! — удивилась подруга. — Ведь из плаценты недоношенных делают дорогие медицинские препараты. По телевизору сюжет был".

— Наверное, такие монстры, как ваша гинекологиня Амалия Петровна из "Крови нерожденных", существуют только в романах...

— Я вовсе не хотела изображать реальных докторов. Но читатели писали, что знают роддом, где работает эта дама. Вроде бы и зовут ее так же. Возможно, такой реализм получился оттого, что первую дочку я родила в жутком совке. После этого долго думала, что лучше умереть под забором, чем попасть в лапы нашему эскулапам. Когда забеременела Дашей, то решила воспользоваться альтернативным вариантом.

— Роды в ванной без медицинской помощи?

— Я записалась в группу "духовных акушеров". Как будто под гипнозом ходила. На занятиях они тянули деньги и говорили ужасные вещи, чтобы заранее снять с себя ответственность. "Если ребенок не хо-

— Научить быть поэтом — невозможно. Ты — раб своего вдохновения. Хотя могу похвастаться, что мои стихи проходили в курсе современной русской литературы в Колумбийском университете в Америке.

— Ух ты!

— Если быть совсем откровенной, то этот курс читал мой хороший знакомый. Он их и выбрал. Сказал, что лучше не нашел. Я, например, знаю англичанина, который уже лет десять пишет диссертацию по новой русской поэзии. Так вот все стихи вообще придумывает, ссылаясь на вольный перевод.

— Сейчас в России не до Пушкиных. Поэты предпочитают зарабатывать на детективах...

— Я не пишу детективы — я пишу остросюжетные романы. У нас как-то принято считать детектив дешевой. Но я сама бы с удовольствием прочитала что-нибудь стоящее. Где оно?.. Разница между литературой и нелитературой конкретна: если вещь мир в книге сосредоточен вокруг писательской персоны и ее комплексов, то и братья за эту книгу не стоят.

— Вы общаетесь со своими, как бы это сказать, сосестрами по перу?

— Нет. Они не хотят. У нас каждый мнит себя единственным гением. А я не собираюсь навязываться людям, которые за глаза, не имея на то никаких оснований, говорят обо мне гадости.

Никто не заплачет

Знакомство Дашковой с мужем — из разряда случайностей. Собиралась замуж за одного — доктора, взрослого, устроенного. И вдруг, в одночасье, встретила другого. Было это в Сибири. Она ехала в творческую командировку с агитбригадой в компании веселых и прокурных студентов.

— Ага, любовь с первого взгляда!

— Молодые были, голодные, денег в кармане ни гроша. Алексей украл для меня в магазине булку за семь копеек. Мы сели на лавочке, разломали ее пополам, светило солнце, и я вдруг осознала, что люблю его.

чет жить, надо дать ему уйти, как маленькому принцу Сент-Экзюпери!.. Слава богу, муж не выдержал и отвез меня в обычный роддом. А "духовные акушеры", за которыми я числилась, на следующий день после рождения Даши утопили в ванне другого младенца...

— Вернемся к Амалии Петровне. Жизнь — не книжка. В действительности женщины-маньяки и садистки встречаются куда реже.

— Женщина может быть коварной, жестокой, злой, но обязательно мотивированно: ей важна живая реакция на себя, ей хочется, чтобы ее замечали, вот она и бесится. Иногда из домашних пустяков возникают чудовищные конфликты. Однажды мы с 4-летней Аней наблюдали такую сцену в троллейбусе. Парень старушке место не уступил, и она на него понесла: "Был бы у меня топор, я бы тебя к стенке поставила!" В салоне сразу наступила тишина, атмосфера раскалилась до предела, и вдруг моя дочь громко так заявила: "Бабушка, убивать людей нехорошо!"

— А вы могли бы убить человека не на страницах романа, а в жизни?

— Зависит от обстоятельств, но из мести — нет.

— А оправдать убийцу?

— Однажды так и произошло. Я работала над романом "Никто не заплачет" и в какой-то момент поняла, что главного героя Николая Козлова — убийцу, негодяя — чисто по-человечески мне жалко. Его никто не носил на руках в детстве, его не любили — и вот он стал таким, каким стал. Книга не получалась. Я не могла идти дальше, потому что не определилась со своим отношением к герою. Пожаловалась мужу. "Ты что, его любишь?.." — неожиданно заявил Алексей. А я не знала.

— Как же вы из этой ситуации выкарабкались?

— Через силу написала эпизод, где банда Николая расправляется с двумя стариками и их внуком. Я ощутила себя жертвой, мальчиком, которого убивают. Мне было физически плохо, но наваждение прошло. Когда роман вышел, позвонил знакомый, человек не самый нежный и чувствительный: "Ты что, с ума сошла?! — разразился он гневной тирадой. — Я всю ночь не спал из-за переживания! Больше так не пиши!" Помню, знаменитый наш детективщик Николай Иванович Леонов, с которым у меня были очень теплые отношения, рассказывал, как англичане предлагали ему написать сценарий про Чикатило. Он отказался. Мне не надо объяснять почему — я бы тоже так поступила.

Эфирное время

— Мне всегда было интересно, что там, за чужими окнами. В 16 лет, когда впервые оказалась за границей, мы ехали в берлинском метро. Ветка шла вдоль Берлинской стены — так близко, что по ту сторону был отчетливо виден дом. И люди в нем. Как на другой планете. И мне ужасно захотелось узнать, о чем они думают. Мне захотелось войти в их жизнь, стать ее частью...

— Говорят, вы могли бы стать телезвездой и проводить в гости с экрана телевизора?

— Да, предложения были. Режиссер видел меня ведущей "Слабо звена", но, слава богу, я не подошла по характеру. Мне объяснили, что я должна презирать игроков и издеваться над ними в кадре. Попробовала — не получилось. Звали и в другое шоу, но перекроить свою жизнь и планы ради телеэфира, стать его рабой я не захотела.

— А слабо написать сценарий для телесериала?

— Как раз его сейчас и пишу, даже за новый роман не берусь. Согласилась по одной-единственной причине: моим соавтором выступает Владимир Железников, создатель "Чучела". Но что за кино получится и снимут ли его вообще — неизвестно. Я мечтала, что режиссером будет Михаил Пташук, но он, к несчастью, погиб.

— И по какой же из ваших книг хотят снять кино?

— На сегодняшний момент права на экранизацию проданы только по "Месту под солнцем". Меня, можно сказать, принудили это сделать. Знаете, на студии работают специальные люди, "танки". В их обязанности входит доводить авторов до сумасшествия, пока те не заключат договор. Один такой "танк" постоянно меня преследовал — в ресторане, в зоопарке, когда я с детьми на роликах каталась... Я боялась включать сотовый, потому что везде мерещился его голос. В конце концов пришлось все подписать, лишь бы его больше не видеть.

— Наверное, ваши зарубежные издатели и поклонники не такие приставучие?

— Небо и земля. К тому же на Западе развит институт литературных агентов. Со своими издателями я беседую о Гете и Шиллере, а о долларах, марках и юридических тонкостях с ними разговаривает мой агент. Немцы предлагают: "Оставайтесь у нас жить. Мы вас больше любим, чем в России!" Они действительно сделали блестящий перевод моих романов. Я пока являюсь практически единственным современным русским беллетристом, которого издают за рубежом в роскошном твердом переплете. Многие раскрученные имена, по которым здесь с ума сходят, удостоиваются только дешевых мягких обложек.

— Так, может, и правда там лучше?

— Я люблю путешествовать, но жить предпочла бы только здесь. Никогда не сидела без дела в светских дамах. Кем только за последние пятнадцать лет не работала! Начинала с литконсультанта в "Сельской молодежи", объездила весь Союз. Синхронизировала с английского при Ассоциации народов Сибири и Дальнего Востока. Побывала даже в литературных "неграх". Перевела малоизвестный роман Агаты Кристи "Почему они не спросили Эванс?". В итоге на внутренней стороне обложки красовалось имя сына владельца типографии — мальчик как раз заканчивал Иняз. Правда, денег за это унижение заплатили много — сплошь трешки и пятерки. Шла жуткая инфляция, и мы с мужем не знали, что на них купить. Я оставила всю пачку в одной комнате с маленькой Аней. Вхожу и глазам не верю: мятые рубли разбросаны по полу, а дочь подкидывает их вверх и восхищенно шепчет: "Какие бумажки красивые!.."

Екатерина САЖНЕВА.